

ПИТИРИМ СОРОКИН КАК ИСТОРИК СОЦИОЛОГИИ

Один из модных ныне теоретиков «мировой системы», американский социолог И. Уоллерстейн, выступая в 1996 г. на одном из петербургских отделений Российской академии наук, необдуманно бросил фразу о том, что в России социологической науки никогда не было. Однако в дальнейшем, не замечая анекдотичности ситуации, упомянул, что у него самая первая научная статья была посвящена социологии Питирима Сорокина. Между тем, последний всегда считал себя (и дома и за рубежом) воспитанником и продолжателем русской социологической традиции и высоко оценивал ее научные достоинства. Большой список его работ об отечественных социологах и социальных философах — развернутое свидетельство сказанному. Однако прежде чем перейти к комментированию и разъяснению особенностей интерпретации Сорокиным русской социологии, следует хотя бы сжато охарактеризовать главные черты его исследовательского вклада в историю социологии вообще.

Начнем с центральных вопросов — зачем нужна история социологии, не кажется ли она старомодной на фоне всевозможных количественных методик? Сорокин так отвечал на них: история социологии показывает необычайное стилевое богатство размышлений об обществе, культуре и личности, и за редкими исключениями в каждом виде размышлений есть свои резоны. И, таким образом, занятие историей социальной науки помогает избежать открытия уже открытых ранее «социологических Америк» и не допустить напрасной траты интеллектуальных сил исследователя, что обычно бывает крайне обидной вещью; кроме того, это же знание разных теорий порождает критицизм, оздоравливающий научную атмосферу, ибо всевозможный вздор под видом «социологии» в наши дни публикуют, распространяют и обучают всему этому же [1, с. 759].

Помимо многочисленных тематических ограниченных той или иной проблемой статей по истории социологии, в научном наследии Сорокина выделяются, прежде всего, две солидные монографии: вышедшая в 1928 г. (второе издание в 1964 г.) «Современные социологические теории» и ее продолжение, опубликованное в 1966 г., «Социологические теории сегодня». Объединяют книги манера обобщения большого историографического материала, структура их построения и вообще исследовательские установки, которые сам автор определял так: «не анализ ограниченного числа отдельных социологических теорий, а критическое обозрение главных течений социологической мысли в поле общей социологии, в котором теории тех или иных социологов исследуются только лишь в том случае, если они выступают типологическими самыми эффективными иллюстрациями того или иного течения общей социологии» [2, с. 6]. Оба тома дополняли друг друга хронологически, первый имел дело с материалом за 1850–1920 гг., второй в основном за 1920–1965 гг.

Голосенко Игорь Анатольевич (р. 1938) — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН (Санкт-Петербургский филиал).
Адрес: 198052, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.
Телефон: (812) 316-3270, факс: (812) 316-2929. E-mail: mso@ego.spb.su

По мнению Сорокина, теоретическое самочувствие общей социологии на каждом из этих этапов было различным — среди серьезных удач были и серьезные просчеты. Позднее я укажу, какие именно плюсы и минусы Сорокин выделял. Ранняя книга Сорокина долгое время служила учебным пособием во многих американских университетах, получила хвалебные отзывы, обильно цитировалась в профессиональных изданиях и очень сильно повлияла на академический престиж русского ученого, которого через год после ее опубликования Гарвардский университет пригласил на роль создателя и декана местного социологического факультета, где на книгах Сорокина училось не одно поколение ведущих социологов страны. Сорокин в первой монографии исследовал множество школ и впервые познакомил американских специалистов с рядом европейских имен (В. Парето, Н. Михайловский, Е. Де-Роберти, Е. Спекторский и др.) и проблем социологии религии, искусства, пропаганды, культурной мобильности, социальных катастроф и кризисов. В разделе по социологии религии он критически разобрал идеи М. Вебера. До сих пор поражает, как один, даже такой талантливый человек, как Сорокин, смог проделать подобную гигантскую работу и столь качественно выполнить проект. История социологической науки во всех ее разнообразных сюжетах, традициях и национальных разновидностях предстала сложно скоррелированной, как общий и подчас противоречивый процесс получения адекватных знаний о социокультурном мире. Вторая историко-социологическая монография Сорокина была встречена несколько настороженно, после «оплеухи», полученной научным сообществом от выхода в 1956 г. его ядовито-ругательной книги «Причуды и заблуждения современной социологии», развенчивающей сциентизм, убогий эмпиризм («квантофрению») и прочее методологическое трюкачество, но в целом благосклонно. Интересно, что когда П. Сорокина избрали в 1965 г. президентом Американской социологической ассоциации, то темой своего послания ассоциации он опять-таки избрал историю социологии, предельно сжато изложив основные выводы первого тома и второго, который тогда еще готовился к печати, выразительно назвав свое резюме «Социология вчера, сегодня и завтра» [3, с. 833–843].

Каковы же главные характеристики общей историко-социологической концепции П. Сорокина? В первую очередь, он сторонник интернализма и его прежде всего интересует имманентный ход социологических идей. Только после правильного воссоздания этого хода можно будет попытаться найти адекватную детерминацию его в биографическом, социально-политическом и национально-культурном контекстах. В этом отношении он сознательно оставался в рядах «русской традиции истории социологии», заложенной еще Н. Кареевым и объединявшей усилия крупнейших социологов — М. Ковалевского, В. Хвостова, Н. Тимашева и др. [4]. Слова «Социология вчера, сегодня и завтра» были не просто заголовком президентского послания, они одновременно описывали методологическую ориентацию Сорокина как историка социологии. Он анализировал современное состояние социологии, нащупывал исторические корни его, вскрывал тупикивые тенденции и давал совет-прогноз на будущее. Так, сравнивая современную ему социологию 1925–1965 гг. с ранней стадией — прежде всего выделяя конец XIX в. до 1925 г., он обнаружил несколько внешних отличий между ними. Нынешняя фаза, на его взгляд, отличалась от своей предшественницы успешной и фронтальной институционализацией, организационной экспансией, что конкретно выражалось в резком увеличении публикаций и исследований; введении социологических кур-

сов в большинстве колледжей и университетов; росте в общественном сознании академического и культурного престижа социологии как науки; во все увеличивающемся привлечении числа социологов в качестве государственных и частных экспертов практически во всех секторах общественной жизни; проникновении социологической интерпретации во многие сферы знания — философию, биологию, психологию, историю, политическую экономию, этику, правоведение. «Короче, за последний период социология являет успешный внешний рост, экспансию и укрепление ее научного престижа и практической социальной полезности» [2, с. 3]. Но наряду с этими очевидными успехами есть некоторые нелегко определяемые и неоднозначно оцениваемые внутренние особенности в сопоставлении с ранним периодом эволюции социологии: произошел сдвиг исследовательских интересов с широкомасштабных теорий, имеющих дело с фундаментальными проблемами социокультурной реальности, в сторону узких «микросоциологических» проблем, увлечение техникой социологических исследований. «Большой теорией» занимаются немногие, при этом в сравнении с теориями прошлого их абстрактная продукция характеризуется бессодержательностью, противоречивостью, эпигонством. Сейчас нет не только социологических Платонов и Аристотелей, но нет лидеров, сходных калибром с выдающимися социологами конца XIX и начала XX столетия, такими как: Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, Г. Тард, М. Вебер, В. Парето, М. Шелер, В. Самнер, В. Дильтей, Л. фон Визе и т.п. [2, с. 6; 3, с. 833–834].

Присоединяясь к мнению Г. Спенсера, Г. Тарда, А. Уайтхеда и других исследователей истории науки, Сорокин считал, что в ней обнаруживаются «двухфазовые ритмы»: аналитико-фактографическая и синтезирующе-обобщающая фазы. Так вот, современная социология является по преимуществу аналитико-фактографической в отличие от предшествующей синтезирующе-обобщающей. Социология, ориентированная на сбор многочисленных фактических данных с помощью постоянно растущих методик, требует армии исследователей, объединенных в коллективные исследовательские проекты. В массе добываемых этими коллективными усилиями фактов конечно попадают редкие крупинки «познавательного золота», но в основном — это пустая порода [2, с. 6]. «Золотые самородки» находят только индивидуальные старатели. И последующее меткое наблюдение Сорокина: совершенно четкая и ясная дифференциация различных социологических школ предшествующего периода ныне становится менее острой, по наиболее важным проблемам социологической науки наблюдается «субстанциональное согласие» [2, с. 4]. В этих условиях открывается возможность создать то, что он называл социологией завтрашнего дня или «интегральной социологией», соединяющей ценное многих взглядов без механического объединения их ошибочных допущений и предвзятых выводов.

Следующий важнейший вопрос историко-социологической концепции — классификация школ и направлений. Объясняя «логическую конструкцию» своей книги, Сорокин пояснял читателю, что им сознательно выделяется серия важнейших направлений с общим пониманием предмета, задач и целей социологии, ее дисциплинарных союзников. В каждом теоретическом направлении он обнаруживал относительно самостоятельные вариации, подвиды или «школы», поэтому предлагал в первую очередь анализировать не сочинения индивидуальных социологов, а фундаментальные теоретико-методологические принципы «школ», представленные «наиболее типичными работами». Этот типологический подход, полагал он,

является более экономным, ибо позволяет не утонуть в море фактов, и более систематичным, чем чисто «хронологический и биографический» подход к истории социологии [1, с. XVII]. Он выделяет более десятка направлений — современную «социальную физику» (теории «социальной энергетике», «социальной механики» и т. п.), биологическую интерпретацию социальных явлений, географический, антропорасовый, демографический и психологический детерминизм и социологизм. В сравнении с другими направлениями последнее имеет больше всего подвигов или «школ» в лице формальной школы (Ф. Теннис, Г. Зиммель, Л. фон Визе, Т. Литг и в последних работах Р. Парка и Э. Росса), школы неопозитивизма (Е. Де-Роберти, Д. Драгическо), школы Э. Дюркгейма, школы исторического материализма (К. Маркс, Ф. Энгельс) и т.п. Описание каждой школы имело краткий раздел об идейных предшественниках, связывающий нынешний день с прошлым, а заключался критическим комментарием ее просчетов. В отличие от многих других видов социального знания типа традиции или обычая, наука рождается, растет и живет с духом критицизма к собственным построениям, который вовсе не означает неуважения к критикуемому авторам. Без духа критицизма вместо научной социологии мы получим псевдонаучное комплиментарное искусство, ничего общего не имеющее с реальной наукой [1, с. XX]. Он всегда следовал этому духу, наживал себе множество недоброжелателей, но и верных почитателей.

Методологическое значение классификации типов и школ в истории социологии Сорокин видел в создании ориентиров в обширнейшем историческом материале и считал ее цели скорее «техническими, чем принципиальными и тем более догматическими» [1, с. XIX]. Эти установки легли в основу и второй его историко-социологической книги, что сразу позволило ему найти специфические особенности современной социологии.

В современных условиях часть школ, обрисованных в первой книге, исчезла (например, социодарвинизм), часть (неопозитивистская или биопсихологическая школы) основательно изменила свои принципы, манифесты и обобщения, появились новые школы и направления, прежде всего интегрального толка. «В результате, обобщая карта главных течений социологической мысли за период 1925–1965 гг. выглядит совершенно отличной от предшествующего периода» [2, с. 8]. После сопоставления классификаций современных школ в социологии, предлагаемых Д. Мартиндейлом, К. Лумисом, К. Циммерманом, Н. Тимашевым, Г. Вагнером, Сорокин предлагает собственную классификацию, построенную на следующих познавательных координатах: номинализм—реализм; механистичность—системность; социальное—культурное; структурность—динамика. Каждая школа односторонне строила теорию на одних посылах, противоположная ей — на других, но время от времени возникал ценный замысел, не противопоставления этих посылок, а их интеграция. Исходя из этого, Сорокин делит современные школы и направления на четыре больших класса.

1. Индивидуалистически-атомистические, создающие механистические, чаще всего номиналистические, модели общества. Сюда Сорокин относил «физикалистскую социологию» (П. Бриджман, Ж. Стюарт и др.), «кибернетическую социологию» (Л. Франк, С. Додд и др.), «социологию малых групп» (А. Морено, Г. Хоманс и др.).

2. Реалистические, «макросоциологические» теории культурных систем (цивилизаций). Теория культур А. Швейцера, Г. Беккера, А. Кробера, Е. Нортропа, Ф. Коуэлла.

3. Реалистические теории социальных систем. Структурный функционализм (Г. Парсонс, Р. Мертон и др.), диалектическая социология Г. Гурвича и др.

4. Интегральные теории структурно-динамической социологии. Стремление объединить некоторые познавательные координаты, скажем — реализм и номинализм, социальное и культурное и т. п. — встречается, по мысли Сорокина, у многих исследователей, но дисциплинированность и глобальное (философское) объединение их в одну объяснительную модель предлагает только его личная «интегральная социология» [5].

Каждый из перечисленных классов по традиции делится Сорокиным на несколько подвидов [2, с. 10]. Далее он дает общую характеристику каждому из подразделений, называет предшественников, если таковых находит, описывает вклад наиболее типичного представителя каждого вида и подвида, венчая изложение критическими замечаниями с позиций своей «интегральной социологии», которая по его замыслу объединяет в одно объяснительное целое разные теоретико-методологические принципы социологии: идеализм и материализм, номинализм и реализм, эволюционизм и функционализм, «понимание» и количественные процедуры и т. п. После суммативного разбора «всех и вся» он предсказывает: если социология будущего хочет расти как базовая наука о социокультурных явлениях, она через интеграцию должна вступить в новую синтетически-обобщающую фазу своей эволюции, заменив нынешнюю аналитико-фактографическую.

Каково же место материалов русской социологии в историко-социологической схеме Сорокина? По Сорокину, в русской социологии второй половины XIX и начала XX вв. обнаруживаются все школы, описанные им в «Современных социологических теориях», начиная с механической и кончая бихевиоризмом и марксизмом, за исключением антропорасовой. Расизм был органически чужд российской социологии, при этом многие представители этих школ были первоклассными исследователями. Поэтому он ставил русскую социологию в один ряд с немецкой, французской, американской, английской, итальянской той же поры [1, с. XIV–XV; 6, с. 9]. Но при сравнении его двух томов видно, что в первой книге, вышедшей в свет, когда прошло всего шесть лет после вынужденного изгнания с родины, Сорокин обильно цитирует отечественных социальных ученых Л. Петражицкого, П. Лаврова, А. Лаппо-Данилевского, В. Чернова, М. Туган-Барановского, Н. Данилевского, Я. Новикова, Н. Кареева, Е. Спекторского, Н. Михайловского, М. Ковалевского и дает развернутые очерки взглядов Е. Де-Роберти и П. Лилиенфельда как наиболее типичных представителей ряда школ [1, с. 200–205, 438–443, 461–463]. В следующем томе картина несколько меняется. Сам он указывал на некоторые ограничения привлекаемого и классифицируемого в ней материала, в частности, на обилие в его анализе иллюстраций из американской социологии и вовсе не потому, что она «обладает научным превосходством в сравнении с социологией других стран» [2, с. 7], а потому, что она ему лучше известна, чем национальная социология других регионов мира. Русский материал он привлекал по необходимости и явно в уступающем объеме в сравнении с американским материалом. Развернутый анализ дан только социальной философии Н. Данилевского, культурологии Н. Бердяева и особенно «диалектической социологии» Г. Гурвича. Впрочем, в качестве спутников тех или иных тенденций при постановке и решении различных вопросов он неоднократно упоминал старых отечественных социологов — Е. Де-Роберти, М. Ковалевского, П. Кропоткина, А. Петражицкого, Я. Новикова,

Е. Спекторского, и обществоведов советского времени — В. Асмуса, Г. Андрееву, И. Кона, Н. Новикова, В. Семенова, Г. Осипова и др. Сказанное означает, что темы и персоналии русской социологии и социальной философии занимали значительное место в творчестве Сорокина, но не вступали в националистическую конкуренцию с социологией других народов и стран. Рассмотрим это более подробно и ретроспективно.

Первая монография П. Сорокина «Преступление и кара, награда и наказание» (1913 г.) вызвала множество благожелательных откликов. Впрочем, в некоторых из них попадались и упреки. Так, поздний представитель субъективной школы А. А. Гизетти указывал молодому автору на неоправданное игнорирование им русской социологической литературы, тем более что кое-какие важные идеи его книги были сформулированы ранее П. Лавровым и Н. Михайловским. «Когда же мы научимся ценить своих крупных основателей социологии в России», — недоумевал рецензент [7]. Сорокин учел это замечание. Он с ранних пор дисциплинировал свой ум, стремясь непредвзято относиться к конструктивной критике. В последующие несколько лет из-под его пера появляются рецензии и статьи о крупных русских социологах — Н. К. Михайловском, Л. И. Петражицком и М. М. Ковалевском. По словам самого Сорокина, его целью была оценка «их места и роли в богатой русской социологической библиотеке».

Тем не менее, на известном диспуте по «Системе социологии» в 1920 г. другой представитель субъективной школы, патриарх русской социологии Н. И. Кареев среди ряда критических замечаний в адрес бихевиористической модели Сорокина особый упор сделал на напрасное пренебрежение им разработками русской социологии, что особенно бросалось в глаза при обилии ссылок в обоих томах трактата Сорокина на иностранные источники [8, с. 272]. Сорокин вновь поднял перчатку — через два года он напишет статью о социологии Лаврова, которая с историко-социологической точки зрения была значительно содержательнее статей того же А. Гизетти и других ведущих историков отечественной общественной мысли — Г. Шпета, А. Штейнберга, Н. Кареева, участвовавших в совместном сборнике в память П. Лаврова.

Все публикации Сорокина по проблемам отечественной социологии легко группируются по трем разделам. Первый раздел представляет те статьи Сорокина, в которых он пытался дать общее, более или менее панорамное видение русской социологии XIX — XX вв. Исходная статья «К основанию социологической секции Исторического сообщества при Санкт-Петербургском университете» описывает и сравнивает (не в пользу России) институционализацию социологии в разных странах — появление профессиональных журналов, создание научных обществ, преподавание в высшей школе [9]. Единственно, чем с достоинством могли гордиться отечественные ученые, так это активным участием в первых восьми конгрессах Международного социологического института, президентами которого в разное время избирались П. Лилиенфельд, М. Ковалевский, а докладчиками был постоянно широкий круг наших социологов. Однако в первое десятилетие XX в. наметилось преодоление отставания России в деле институционализации социологии, и лично Сорокин предпринимал самое деятельное и заинтересованное участие в шагах такого рода. Так, описываемая им в 1912 г. секция должна была выступить «зародышем социологического общества», которое и было создано через пять лет. В 1914 г. стали выходить сборники «Новые идеи в социологии», в которых Со-

рокин регулярно печатался. Сборники были нерегулярными, но рассматривались их создателями как подготовка будущего профессионального журнала. Сборники с подобным названием — «Новые идеи» — выходили по многим естественным наукам, и главное — общественным наукам, изучающим общество и человека, таким, как политическая экономия, правоведение, педагогика, психология, философия. Социология заняла достойное место в этом ряду и ее сборники действительно предлагали читателю для своего времени «новые идеи». Сорокин справедливо писал: «В наше время нет ни одной сколько-нибудь научной работы по вопросам общественных наук, которые так или иначе не предпосылали бы в виде фундамента те или иные социологические теоремы» [9, с. 2770].

Мировая война, а затем революция сильно повлияли на положение и развитие науки в стране, в том числе и социологии. По итогам этого деформирующего процесса Сорокин написал общий очерк «Состояние русской социологии за 1918–1922 гг.», в котором в лапидарной форме подчеркнул важность социологической науки для развороченной войной и революцией России, обобщая опыт личного участия, оценил ее исследовательские организации и преподавание в условиях коммунистической цензуры и идеологического контроля и проницательно предсказал ее неизбежный расцвет со временем [10, с. 7–10]. Любопытно, что первая лекция, которую Сорокин прочитал в Берлине в 1922 г., став эмигрантом, также была посвящена состоянию отечественной социологии.

В 1927 г., находясь уже в США и работая над книгой «Современные социологические теории», Сорокин предложил американскому профессиональному журналу энергично написанную статью «Русская социология в двадцатом веке», которая была переведена и появилась в европейских журналах [6]. Она нуждается в комментариях. Прежде всего отметим, что Сорокин, как и многие другие интеллектуальные представители русского зарубежья, оставался горячим патриотом своей страны, пропагандировал национальные научные достижения. Это чувствуется и в данной статье, тематически посвященной русской социологии в целом в первую четверть XX в., время ее наивысшего расцвета. В перечислении и оценке им школ и направлений русской социологии очень сильны его пристрастия, недаром самыми главными из них он считает школу Л. Петражицкого и бихевиоризм, к которому сам примыкал в эти годы. В теоретико-методологической ориентации русской социологии той поры принципиально новым и решающим он объявляет разрыв бихевиоризма с ценностными процедурами, которые по-своему признавали и использовали старые позитивисты (особенно субъективная школа) и неокантианцы. Опора на количественные процедуры должна была помочь социологии окончательно освободиться от метафизических проблем (часто псевдопроблем) и вывести из теории ее практическое применение. Однако в тексте обнаруживаются некоторые неточные суждения. Такова оценка неопозитивиста К. Тахтарева как социолога, стремящегося синтезировать формальную социологию Зиммеля с экономическим материализмом. Сорокин многие годы близко знал Тахтарева, оба работали на кафедре социологии Психоневрологического института, боготворили своих руководителей Е. Де-Роберти и М. Ковалевского, позже стали профессорами Петроградского университета и сопредседателями Социологического общества имени М. Ковалевского. Тахтарев был назначен Ученым советом университета официальным оппонентом на докторском диспуте Сорокина и в целом поддержал его «Систему социологии», ибо вместе с ее творцом считал, что подлинно научная «со-

циология должна быть пронизана естественно-научным духом», который может быть обеспечен только количественными методами исследования [11, с. 29, 55]. Как и его учитель М. Ковалевский, Тахтарев с большим сомнением относился к философско-методологическим притязаниям неокантианства. Так что необходимо специально оговорить этот момент, чтобы у читателей не осталось превратного представления о Тахтареве. Также не ясно, почему Сорокин вынес упоминание работы А. Звоницкой в раздел «Другое направление», ибо она под его руководством и в составе лаборатории коллективной рефлексологии усиленно занималась социологией на позициях бихевиоризма. Ему, руководителю данной исследовательской группы, это было известно лучше чем кому-либо. Может быть, ему не хотелось своей публикацией создавать дополнительные трудности для тех, кто остался в России? Ныне приходится только гадать. Причем в том и другом случае Сорокин прекрасно знал фактическую сторону дела, если говорить о содержании работ отечественных социологов.

И последнее, что следует помнить современному читателю. Через десять лет после написания статьи Сорокин начнет пересмотр своих теоретико-методологических позиций, критику крайностей бихевиоризма и неопозитивизма и сближение с тем, что называл в своей статье «социальной философией», обнимающей взгляды С. Франка, Н. Бердяева, Н. Карсавина, С. Булгакова и др. [6, с. 17–18]. Он попытается соединить в целое сильные, на его взгляд, стороны позитивизма, антипозитивизма и неопозитивизма в своей «интегральной социологии». Онтологический, гносеологический и методологический каркас его нового понимания общества, культуры и личности составляет ценности. Что касается бихевиоризма, то по мнению Сорокина, его принципы почти не применимы к ценностному миру человеческой жизни, они используются здесь софистически и под «штукатуркой бихевиористической терминологии скрывают свою интроспективную сущность». Другими словами, фактически это «псевдобихевиористическая социология» [2, с. 526–528]. Таким образом, оценки статьи 1927 г. кажутся преодоленными его собственной духовной эволюцией. Но так как Сорокин остается самой крупной, ключевой фигурой русской социологии XX в., то его даже старые оценки имеют собственную стоимость и важны для понимания ситуации в целом.

Когда с конца 1950-х гг. несколько ослабели тоталитарные удавки и социологическая наука робко воскресла в нашей стране, у Сорокина вновь пробудился интерес к ее последующим шагам. Он начинает регулярно просматривать соответствующие публикации в журналах, прежде всего в «Вопросах философии», знакомится с работами Г. М. Андреевой, И. С. Кона, Г. В. Осипова, Н. В. Новикова, В. С. Семенова и др., внимательно обдумывает западные труды по русской и советской социологии — Ю. Геккера, А. Симиренко, И. Роучека, М. Лазерсона (кстати, с последним он учился вместе еще в Санкт-Петербургском университете!). Сорокин планирует написать большую работу о социологии в нашей стране за несколько десятилетий после его эмиграции. Но этот замысел, к сожалению, так и не был реализован, болезни помешали ему. До конца своих дней он живо интересовался «социологическими новостями» своей родины, радовался растущему интересу к собственным теориям, предлагал наводить мосты между социологиями разных стран.

Второй и самый обширный раздел его наследия по русской социологии включает материал по наиболее ключевым персоналиям отечественной общественной мысли — социологам (М. Ковалевский, Л. Петражицкий, П. Лавров), и социальным

философам (Н. Данилевский, Н. Бердяев, Л. Толстой, Ф. Достоевский). В своих статьях Сорокин оценивал творчество той или иной фигуры по совокупности их многих работ и оценок, даваемых каждой в русской и зарубежной печати. Почти все из указанных выше лиц (кроме писателей) упоминались Сорокиным в его статье «Русская социология в XX веке». Остановимся на некоторых.

М. Ковалевский был одним из наиболее любимых университетских учителей Сорокина, манеру чтения лекций и организацию учебного процесса которого Сорокин постоянно воспроизводил в своей преподавательской деятельности во многих известных университетах мира. Он посвятил своему учителю несколько публикаций, из которых особенно выделялась наиболее ценная в теоретико-методологическом отношении статья «Теория факторов М. М. Ковалевского». В ней доказательно проводится мысль о принципиальном плюрализме Ковалевского, в объяснительную силу этого принципа Сорокин верил всю жизнь [12].

Другой университетский авторитет — Л. Петражицкий, был руководителем студенческого кружка, на котором ставились многие актуальные социологические проблемы. Сорокин постоянно принимал участие в заседаниях кружка, высоко ценил этот самостоятельный способ обучения социологии. Он читал доклады и после коллективного обсуждения их публиковал в научной печати. Многие теоретические идеи профессора Петражицкого восхищали Сорокина, он относился к их создателю с непоказным уважением. Сорокин во многом присоединяется к идеям Петражицкого о мотивационной и педагогической роли наказаний (кар) и права вообще в росте человеческой солидарности и социально полезного поведения в функционировании и эволюции принудительных, договорных и альтруистических социальных отношений. «Эмпирические затыны» в развитии наказаний, открытые Петражицким (колебание кар в зависимости от антагонизма и конфликтов в группе, падение подотчетности и т.п.), Сорокин горячо поддерживал и иллюстрировал в духе генетической социологии тех лет [13]. Ряд идей учителя неоднократно обнаруживается в более поздних работах Сорокина. После Февральской революции, когда Петражицкий решил перебраться в Варшаву, именно Сорокин, бывший в то время секретарем А. Керенского по проблемам науки, помог ему сделать это. Главная теоретическая двухтомная работа Петражицкого — «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» была по инициативе Сорокина переведена и в несколько сокращенном варианте под названием «Право и мораль» издана в 1955 г. в США.

П. Лавров, по мнению Сорокина, был подлинным зачинателем научной социологии в России, прежде всего как создатель теории антропогенеза или «критико-субъективного позитивизма». О литературной плодовитости Лаврова свидетельствовало обилие псевдонимов, используемых им в подцензурной печати России — Миртов, Щукин, Кедров, Угрюмов, Кошкин, Арнольди, Крюков, Доленга и т.п. Печатаясь в парижских изданиях, он сделался известным среди французских ученых. Из его обширных работ в сфере философии, истории, культурной антропологии и социологии Сорокин целенаправленно избирает сферой своего анализа именно последнюю. Не соглашаясь со многими положениями Лаврова, Сорокин тем не менее признавал за ним интеллектуальное значение теоретика мирового класса, высоко ценил стройность его общего замысла и отточенность деталей, настаивал на жизненности ряда его выводов. Однако пиетет не освобождал взгляды

Лаврова от критических оценок с точки зрения современной социологии. Критика Сорокина, особенно учения Лаврова о солидарности, как может убедиться читатель этой статьи, корректна по форме, точна и глубока по содержанию [14].

Н. Данилевский был постоянным героем многих работ Сорокина по социальной философии и культурологии. Не соглашаясь принципиально с рядом преувеличений Данилевского (особенно при злоупотреблении биологическими аналогиями в описании «жизненного цикла» цивилизаций), Сорокин высоко ценил в нем остроту ума, дух новатора и умение успешно драться со многими «научными» предрассудками своего времени — европоцентризмом, догматом прямолинейной эволюции и т.п. Он считал, что теоретическая традиция «локальных цивилизаций» (О. Шпенглер, А. Тойнби, В. Шубарт и др.) явно началась с трактата Данилевского «Россия и Европа». Вот почему он смело включал имя этого мыслителя XIX столетия в ряды предшественников сегодняшних «теорий культурных систем» [2, с. 178–187]. Самый лучший знаток концепций Данилевского среди американских социологов — Р. Мак Мастер, автор ряда основательных работ о сочинениях русского мыслителя, занялся главной темой своих исследований под прямым влиянием П. Сорокина.

В 1921 г. группа интеллектуалов (Н. Бердяев, Л. Карсавин и др.) прочитала в Доме литераторов доклады о социальной философии Ф. Достоевского. Доклад Сорокина, участвовавшего в конференции, назывался «Социология Достоевского». В нем моральные заветы нашего великого писателя вступали в вопиющее противоречие с реальностью коммунистических будней. Сорокин опубликовал текст доклада под заглавием «Заветы Достоевского», он солидаризуется с мыслью писателя, неоднократно высказываемой им в «Братьях Карамазовых» (легенда о «Великом инквизиторе») и «Бесах»: «там, где пытаются найти спасение в голом насилии, где нет любви и свободы, религии и нравственности, там ничего, кроме крови, убийств и преступлений, получить не может... Без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя, изменение законов и учреждений». Без религиозно-нравственной, деятельной любви «борцы за свободу» становятся лже-пророками, мнимыми освободителями, т. е. тиранами, фальшивомонетчиками, сеющими семена преступлений и зла [15, с 6–7]. Естественно, доклад вызвал раздражение петроградского начальства, этих патентованных борцов за свободу и народное счастье. Начались гонения, Сорокин, убеждаясь в исторической правоте Достоевского, переходит на полуподпольный вариант жизни (напомним, что Сорокину пришлось побывать в царское и советское время в тюрьме четыре раза).

Уход из дома и смерть Толстого в 1910 г. потрясли многих в России, болезненно остро переживало это драматическое событие большая часть студенчества, начались и кое-где происходили студенческие беспорядки. Отлучение Толстого от официальной церкви открыто ставилось в упрек правящему режиму. Откликнулся на эти события и студент тех лет П. Сорокин — он написал несколько статей о философских взглядах Толстого и позднее объединил их в отдельную брошюру. Почему молодого Сорокина, жадно поглощающего любую социологическую литературу, привлекла философская сторона творчества нашего национального гения. А потому, отмечал он сам, что философия Толстого менее всего походила на обычные онтолого-гносеологические абстракции традиционной философии, а постоянно и органично переливалась в социальную, моральную философию. Надо сказать, что

о социальной философии Толстого (о его взглядах на собственность, семью, воспитание, религию, государственную власть и т.п.) у нас писали многие социологические авторитеты той поры — Н. Кареев, А. Исаев, Л. Оболенский, Г. Плеханов и др. В частности, Сорокин задумал свои публикации на эту тему прежде всего в ответ тем, кто скептически оценивал рассуждения Толстого — позитивисту А. А. Исаеву, кстати, друг с гимназических лет Н. Кареева и В. Соловьева. Экономист и социолог А. Исаев в эти годы был популярным профессором Психоневрологического института, «собиравшим переполненные аудитории» (где Сорокин был студентом), темы его живых и интересных статей об артельном производстве, эффектах переселения, безработице, жизни больших городов привлекали внимание многих, в том числе, как мы знаем, и самого Сорокина [16, с. 11]. Не прошел он и мимо запальчивых замечаний Исаева относительно философии Толстого. Его ответы Исаеву не были просто формальной данью уважения к великому художнику и мыслителю, Сорокин усвоил многие ценностные аксиомы Л. Толстого на всю жизнь и особенно настойчиво пропагандировал их последнее десятилетие жизни, прежде всего в деятельности возглавляемого им Гарвардского центра, творческого альтруизма и любви. В этой связи показателен некролог на смерть самого Сорокина, подписанный группой его коллег — профессоров Гарвардского университета: многие его взгляды на альтруистическую любовь можно явно приписать «влиянию Толстого», в течение всей его жизни он постоянно испытывал продолжительную любовь к России [17, с. 106].

Третий и заключительный раздел интересующего нас сейчас историко-социологического наследия Сорокина представляет материалы двойного рода. Прежде всего, он включает в себя два обзора коллективных монографий: «Оствальд Шпенглер и закат Европы» и «Смена веков», сыгравших важную роль в становлении русской общественной мысли 1920-х гг., и далее рецензии на сочинения отдельных русских социологов. Последний вид научной работы охватывает практически все направления и школы русской социологии той поры: позитивистов разных направлений (субъективную школу в лице Е. Колосова, Н. Воронова; «биологическую» социологию Я. Новикова; «неопозитизм» Е. Де-Роберти, бихевиоризм или «коллективную рефлексологию» А. Звоницкой, В. Бехтерева; генетическую социологию К. Тахтарева) и их идейных противников, антипозитивистов различных теоретико-методологических и философских вариаций (неокантианство Б. Кистяковского, «метафизическую» социологию С. Франка, марксизм Н. Бухарина и др.) [19, с. 139–146]. Этот пестрый материал требует кое-каких пояснений.

Сорокин часто не ограничивал себя жанровыми рамками и требованиями к отзыву, рецензии, реферату. И мог одновременно, хотя и в разных журналах, опубликовать две рецензии на понравившуюся книгу, естественно, содержательно и повторяясь, но и внося что-то новое в каждую из них. Так было с рецензиями на

*Солидный социологический трактат Е. Колосова «Очерк мировоззрения Н.К. Михайловского: Теория разделения труда как основа научной социологии» представляет собой лучшую апологетическую работу о Михайловском на русском языке. Кстати говоря, Сорокин не ограничился рецензированием отечественной литературы о нашем замечательном социологе. Он оценил и зарубежные работы, прежде всего интересное исследование немецкого социолога Е. Франгиана, который доказывал, что многие идеи, доминирующие в начале XX в. в сфере социальной и философской мысли, в частности, принцип ценности (Риккерт, Виндельбанд, Штаммлер, отчасти Коген), гораздо раньше «были предвосхищены «субъективистской» школой, а именно, ее главою Н. К. Михайловским» [18, с. 58].

книгу молодой исследовательницы Агнессы Звоницкой. Часто не удовлетворясь размерами рецензии, он пишет самостоятельную статью по проблемам рецензируемой книги (так было с работой Б. Кистяковского). Смещение жанровых границ демонстрирует и его обзор сборника о культурной морфологии О.Шпенглера, составленного из статей Н. Бердяева, Ф. Степуна, С. Франка, Я. Букшпуна. Напомним, В. Ленин назвал этот сборник «контрреволюционной атакой на социализм». Свой обзор Сорокин не построил на педантичном рассмотрении и оценке каждого автора, а обратил внимание как на более широкий контекст написания известной работы Шпенглера «Закат Европы», так и на его русских интерпретаторов, а именно — на социокультурный кризис, переживаемый европейским обществом. Между прочим, тема кризиса и человеческих бедствий занимала потом Сорокина долгие годы [20, с. 127–154]. Так что и этот ранний обзор не был проходящим, «русский задел» прочно детерминировал творчество Сорокина и в дальнейшем.

Упомянутое выше смещение жанровых требований произошло при оценке знаменитого коллективного опуса тех лет — сборника статей эмигрантов первой волны — К. Устрялова, Ю. Ключникова, С. Чахотина, А. Бобрищева-Пушкина и др., получившего название «Смена вех» (Прага, 1921 г.). Сборник активно обсуждался в официальной печати и оппозиционно настроенных учреждениях типа Вольной философской ассоциации, Дом литераторов. На двух вечерах-обсуждениях принимал участие и Сорокин. В итоге появилась его известная статья, в которой «Смена вех» рассматривается как «социальный симптом» смены умонастроений русских образованных людей и у нас в стране, и в эмигрантских кругах [21]. Отзыв демонстрирует чисто социологическую трактовку идеологии определенной части отечественной интеллигенции как коллективного сознания приспособления, а не беспристрастного поиска истины. Любопытно, что надежды «сменовеховцев» и Сорокина на буржуазное перерождение советского строя оправдались, хотя сроки затянулись на долгое время.

Сорокин много рецензировал с 1910 по 1922 гг. и зарубежных социологов — В. Парето, Э. Росса, Э. Хейса, А. Ксенопля, Э. Дюркгейма, А. Навилля, Р. де Трассерри и др. Тут были неизбежные сопоставления зарубежных и русских авторов в одной публикации, особенно если книги тех или других совпадали по времени выхода тематически. Этим Сорокин подчеркивал: мы идем нога в ногу с западной социологической мыслью, если не в организационной, то в теоретической части. Сорокин в это постоянно верил. Так, в одной из рецензий он сравнивает взгляды К. Каутского и М. Лазерсона на проблему наций, в другом — взгляды своего учителя по Психоневрологическому институту Е. Де-Роберти и В. Козловского на природу социальной реальности. Кстати, хотя поляк В. Козловский был российским подданным, он, как и молодой Ф. Знанецкий, ориентировался на Америку и печатался в западной прессе на польском языке. На русском языке мне попала только одна его социологическая статья — «Огюст Конт и позитивизм» (1911 г.).

В 1920-е гг. в стране произошел взрыв социологической литературы марксистской ориентации, как отмечали наблюдатели этого процесса, появились учебные пособия, библиографии, тематические сборники и монографии [8, гл. 7]. Из всего этого потока литературы Сорокин выделил только учебник Н. Бухарина и по-деловому его оценил. Однако эта критика была одной из последних капель, переполнивших чашу неблагоприятного терпения правительства и подготовившая высылку Сорокина за пределы России. Став эмигрантом, он не забыл ни отечественную

общественную науку, представителем которой он всю жизнь себя считал, ни дорогой ему Санкт-Петербургский университет, которому перед смертью завещал часть своих сочинений из зарубежного наследия [22, с. 30–31].

Длинной вереницей тянутся десятки имен русских социологов, сочинения которых привлекли внимание Сорокина; здесь встречаются начинающие ученые и уже стяжавшие себе научную славу. Имена эти не должны быть забыты в истории отечественного просвещения. Вот почему я полагаю, что русские темы в историко-социологическом наследии П. Сорокина будут информационно полезными для тех, кто основательно изучает его творчество и более широко изучает историю русской социологии в целом.

Литература

1. Sorokin P. A. Contemporary sociological theories. New York.: Harper and Row, 1928
2. Sorokin P. A. Sociological theories of today. New York.; London: Harper and Row, 1966.
3. Sorokin P. A. Sociology of yesterday, today and tomorrow // American sociological rev. 1965. Vol. 30. № 6.
4. Голосенко И.А. Основоположник русской традиции историко-критического анализа социологических учений // Социологические исследования. 1985. № 3.
5. Sorokin P.A. Integralism is my philosophy // This is my philosophy / Ed by W. Burnett. New York. 1957. Ср.: Sorokin P.A. Society, culture and personality. New York.: Cooper Square Publisher, 1962.
6. Сорокин П. А. Русская социология в XX веке // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 4.
7. Дело. 1913. № 313.
8. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
9. Сорокин П.А. К основанию социологической секции Историч. общества при СПб. университете // Запросы жизни. 1912. № 18.
10. Сорокин П.А. Состояние русской социологии за 1918–1922 годы // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 10.
11. Тахтарев К. Н. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности: Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг.: Кооперация, 1919.
12. Сорокин П. А. Теория факторов М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг.: Т-во А.Ф. Маркса, 1917.
13. Сорокин П. А. Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории права А. И. Петражицкого // Новые идеи правоведения. Сб. 3. СПб.: Образование, 1914.
14. Сорокин П. А. Основные проблемы социологии П.А. Лаврова // П.А. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пг.: Колос, 1922.
15. Сорокин П. А. Заветы Достоевского // Артельное дело. 1921. № 17–20.
16. Святловский В. Профессор А. А. Исаев // Вестник литературы. 1919. № 4.
17. Bales R., Homans G., Taylor F. et al. // Harvard University Gazette. 1968. Dec. 28.
18. Сорокин П. А. Рец.: Frangian E. N.K. Michailowsky als Soziologe und Philosoph: Eine sozialphilosophische Studie. Berlin. 1913 // Заветы. 1914. № 1.
19. Выходные данные всех этих рецензий и рефератов см. в книге Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина: Русский период деятельности. Самара: Социо, 1992.
20. Голосенко И. А. Проблема кризиса и общества культуры в социологии Питирима Сорокина // Российская социология: Историко-социологические очерки. М.: Изд-во Росс. гос. гуманитарного у-та, 1997.
21. Сорокин П. А. Начало великой ревизии // Вестник литературы. 1922. № 2 3 .
22. Питирим Александрович Сорокин: Каталог книжной выставки, посвященной 100-летию со дня рождения. Л.: Изд. отдел БАН, 1989.